3. «ОСНОВА» № 3.
Редакторъ-издатель В. Яковенко, душеприказчикъ
Ф. Павленкова.

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

90
Цѣна 30 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская, 20.
1906.

№ 4. «ОСНОВА». № 4.
Редакторъ-издатель В. Яковенко, душеприказчикъ
Ф. Павленкова.

А. И. ГЕРЦЕНЪ.

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

Цѣна 8 коп.

АНТИКВАРИАТЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгопечатня Шмидтъ, Звенигородская, 20.
1906.

„Пров 38"

Библиотека Аграрного Института
4950

Библиотека ООН
Академии Н... ...СР

160
52

388
39

КРЕЩЕНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

„Я не воронъ, а вороненокъ; настоящій воронъ еще летаетъ въ поднебесьи".
Пророчество Пугачева.

Въ концѣ прошедшаго года началъ я странный трудъ. Не знаю, слажу ли съ нимъ, думаю, что да. Впрочемъ, трудъ этотъ можетъ на всемъ остановиться, какъ наша жизнь, вездѣ будетъ довольно и вездѣ можно его продолжать. Надгробный памятникъ и исповѣдь, *былое и думы*, біографія и умозрѣніе, событія и мысли, слышанное и видѣнное, наболѣвшее и выстраданное, воспоминанія и... еще воспоминанія!

Изъ первой части этихъ rapping spirits, этого повторенія жизни, блѣдно воскрешаемой словомъ и памятью, хочу я передать нѣсколько отрывковъ.

Первый передъ вами.

Тонбриджъ (Кентъ), 22 іюля 1853 года.

Предисловіе ко второму изданію.

Три года тому назадъ, дѣлая первые опыты русскихъ изданій въ Лондонѣ, я напечаталъ небольшой отрывокъ о крѣпостномъ состояніи подъ заглавіемъ «Крещеная Собственность». Я не придаю никакой важности этой брошюрѣ, напротивъ, нахожу ее весьма недостаточной, но изданіе разошлось. Г. С. Тхоржевскій изъявилъ мнѣ свое желаніе сдѣлать новое,—я не счелъ нужнымъ не предоставить ему этого права.

Много событій совершилось въ Россіи въ эти три года, но *крѣпостное состояніе* осталось, какъ было—язвой, пятномъ, тѣмъ безобразіемъ русскаго быта, которое смиряетъ насъ и заставляетъ, краснѣя и съ поникнувшей головой, признаться, что мы ниже всѣхъ народовъ въ Европѣ.

Съ какимъ теплымъ упованіемъ, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ ждали мы послѣ смерти Николая тѣхъ возможныхъ, общечеловѣческихъ перемѣнъ, которыя можно было совершить безъ потрясающихъ переворотовъ, однимъ уразумѣніемъ своего смысла и своего призванія—со стороны правительства. Изъ дали нашего изгнанія мы смотрѣли съ надеждой и безъ малѣйшей желчи. Сначала мѣшала война... Прошла война—ничего! Все отложено до коронаціи... прошла и коронація—все ничего! И новое царствованіе вступило въ свой ежедневный обиходъ. Всѣ реформы до сихъ поръ ограничиваются фразами, и далѣе риторики не идутъ.

А, вѣдь, какъ было легко сдѣлать чудеса,—вотъ что непростительно, вотъ чего мы не можемъ вынести. У насъ сердце обливается кровью и досада кипитъ въ груди, когда мы думаемъ,—чѣмъ могла бы быть Россія при выходѣ изъ мрачнаго царствованія Николая, разбуженная войной, призванная къ сознанію, безъ ошейника рабства на шеѣ; какъ быстро, какъ самобытно и мощно могла она двинуться впередъ.

Нѣтъ даже начала освобожденія крестьянъ—этой первой азбуки гражданскаго развитія. Зачѣмъ подымались ополченцы, зачѣмъ мужикъ несъ свой трудъ — свою копейку, свою кровь въ защиту бездушному престолу, который, съ лепетомъ о своей благодарности, возвратилъ его розгамъ господина и каторжной работѣ на барщинѣ.

Говорятъ, что теперешній царь — добръ. Можетъ быть, того свирѣпаго гоненія, которое составляетъ характеръ прошлаго царствованія нѣтъ, и мы первые душевно рады повторять это.

Но, вѣдь, этого мало, вѣдь, это еще отрицательное достоинство. Недостаточно еще не дѣлать зла, имѣя такія средства дѣлать добро, которыхъ уже нѣтъ ни у одной монархической власти въ Европѣ. Да онъ не знаетъ, какъ приняться, что дѣлать.

А сказать некому. Вотъ оно результатъ насильственнаго молчанія, вотъ что значитъ вырвать языкъ у народа и повѣсить замокъ на его губы. Зимній дворецъ окруженъ царствомъ нѣмоты, а въ немъ говорятъ одни николаевскіе генералъ-адъютанты. Конечно, не они разскажутъ о вѣяніи современнаго духа, и не черезъ нихъ услышитъ Александръ II стонъ русскаго народа.

Чтобы слышать его, чтобы знать зло и средства его искоренить, теперь не нужно ходить какъ Гарунъ-аль-Рашидъ подъ окнами своихъ подданныхъ. Для этого стоитъ снять позорную цѣпь цензуры, пятнающую слово, *прежде*, нежели оно сказано. И тотъ же Смирдинъ или Глазуновъ, который доставляетъ прочимъ смертнымъ книги, доведетъ до царя голосъ его народа.

Но этого-то и не хотятъ—закоренѣлые въ рабствѣ слуги Николая.

Они погубятъ Александра,—и какъ жаль его! Жаль за его доброе сердце, за вѣру, которую мы въ него имѣли, за слезы, которыя онъ нѣсколько разъ проливалъ...

Люди эти его втянутъ въ старую рутину, усыпятъ ложью, испугаютъ невозможностью, вовлекутъ снова во внѣшнія дѣла, чтобъ отвести отъ внутреннихъ. Все это дѣлается уже теперь.

Съ какой стати соваться въ неаполитанскій вопросъ? Есть дѣла, въ которыя честные люди не мѣшаются; есть союзы, которые пятнаютъ, которые льстили Николаю и отвратительны для Александра. Пора разстаться съ несчастной мыслью, что призваніе Россіи служить опорой всякому насилію, всякому тиранству.

Только было другіе народы начали меньше враждебно смотрѣть на Россію,—какъ на смѣхъ имъ старая дипломатія привязала русскаго императора къ одному позорному столбу съ коронованнымъ Лаццарони. Какая неосторожность, какое отсутствіе такта, какое отсутствіе любви къ Россіи и къ нему!

А дома еще разъ обманутый крестьянинъ тащится на господское поле, посылаетъ сына во дворъ,—это ужасно! Правительство знаетъ, что обойти задачу освобожденія крестьянъ съ землею невозможно. Совѣсть, нравственное сознаніе Россіи требуютъ рѣшить ее. Что же выигрываетъ оно, оттягивая вопросъ, откладывая его на завтра...?

Когда мы говорили, что эта трусость передъ необходимостью, что эта безхарактерная медлительность дойдетъ до того, что вопросъ разрѣшится топоромъ крестьянина, и умоляли правительство спасти его отъ будущихъ преступленій, добрые люди подняли крикъ ужаса и обвинили насъ же въ любви къ кровавымъ мѣрамъ.

Это ложь, что намѣренное непониманье. Когда врачъ предостерегаетъ больного въ страшныхъ послѣдствіяхъ болѣзни, развѣ это значитъ, что онъ ихъ любитъ, что онъ ихъ вызываетъ?—Что за дѣтское воззрѣніе.

Нѣтъ, мы слишкомъ много видѣли и слишкомъ близко, какъ ужасны кровавые перевороты—и какъ плоды ихъ бываютъ искажены, чтобъ съ свирѣпой радостію накликивать ихъ.

Мы просто указывали, куда эти господа идутъ и куда ведутъ. Пусть они знаютъ, что если ни правительство, ни помѣщики ничего не сдѣлаютъ,—сдѣлаетъ топоръ. Пусть и государь знаетъ, что отъ него зависитъ, чтобъ русскій крестьянинъ не вынималъ его изъ за своего кушака!

Но, вѣдь, для этого надобно что-нибудь дѣлать, а не отдалять вопроса и не отворачиваться отъ его послѣдствій.

25 октября 1856, Путней.

Съ дѣтскихъ лѣтъ я безконечно любилъ наши села и деревни, я готовъ былъ цѣлые часы, лежа гдѣ нибудь подъ березой или липой, смотрѣть на почернѣлый рядъ скромныхъ, бревенчатыхъ избъ, тѣсно прислоненныхъ другъ къ другу, лучше готовыхъ вмѣстѣ сгорѣть, нежели распасться; слушать заунывныя пѣсни, раздающіяся во всякое время дня, вблизи, вдали... съ полей несетъ сытнымъ дымомъ овиновъ, свѣжимъ сѣномъ, изъ лѣсу вѣетъ смолистой хвоей и скрипитъ запрещенный колодезь, опуская бадью, и гремитъ по мосту порожняя телѣга, подгоняемая молодецкимъ окрикомъ...

Въ нашей бѣдной, сѣверной, долинной природѣ есть трогательная прелесть, особенно близкая нашему сердцу. Сельскіе виды наши не задвинулись въ моей памяти ни видомъ Сорento, ни Римской Кампаніей, ни насупившимися Альпами, ни богато воздѣланными фермами Англіи. Наши безконечные луга, покрытые ровной зеленью успокоительно хороши, въ нашей стелющейся природѣ что-то мирное, довѣрчивое, раскрытое, беззащитное и кротко грустное. Что-то такое что поется въ русской пѣснѣ, что кровно отзывается въ русскомъ сердцѣ.

И какой славной народъ живетъ въ этихъ селахъ! Мнѣ не случалось еще встрѣчать такихъ крестьянъ какъ наши великоруссы и украинцы.

Оно и не мудрено. Жизнь европейская пренебрегала деревней, она бойко шла въ замкѣ, потомъ въ городѣ, деревня служила пастбищемъ, кормомъ. Западный крестьянинъ, выродившійся кельтъ, побѣжденный галлъ, германецъ побитый другимъ германцемъ. По городамъ побѣдители мѣшались съ побѣжденными; съ земледѣльцами никто не мѣшался, пока они оставались земледѣльцами. Тамъ, гдѣ побѣда пронеслась надъ головой прежняго населенія, не осѣла на немъ или не могла до него добраться, тамъ крестьяне и

не таковы, напр., въ Романьи, въ Калабріи, въ Испаніи, въ горахъ Шотландіи, Швейцаріи, Норвегіи.

Крестьянинъ на западѣ вообще однодворецъ; если онъ богатѣетъ, то онъ дѣлается полевымъ мѣщаниномъ, такъ, какъ наоборотъ въ прежнее время русскіе купцы, пріобрѣтая милліоны оставались по нравамъ и обычаямъ тѣми же крестьянами.

Деревенскіе мѣщане собственники составляютъ на западѣ слой народонаселенія, который тяжело налегъ на сельскій пролетаріатъ и душитъ его, по мелочи и на чистомъ воздухѣ, такъ, какъ фабриканты душатъ работниковъ гуртомъ въ чаду и смрадѣ своихъ рабочихъ домовъ.

Сословіе сельскихъ собственниковъ почти вездѣ отличается изувѣрствомъ, несообщительностью и скупостью; оно сидитъ на заперти въ своихъ каменныхъ избахъ далеко разбросанныхъ и окруженныхъ полями, отгороженными отъ сосѣдей. Поля эти имѣютъ видъ заплатъ, положенныхъ на землѣ. На нихъ работаетъ батракъ, бобыль, словомъ сельскій пролетарій, составляющій огромное большинство всего полевого населенія.

Мы, совсѣмъ напротивъ, государство сельское, наши города большія деревни, тотъ же народъ живетъ въ селахъ и городахъ; разница между мѣщанами и крестьянами выдумана петербуржскими нѣмцами. У насъ нѣтъ потомства побѣдителей, завоевавшихъ насъ, ни раздробленія полей въ частную собственность, ни сельскаго пролетаріата; крестьянинъ нашъ не дичаетъ въ одиночествѣ, онъ вѣчно на міру и съ міромъ, коммунизмъ его общиннаго устройства, его деревенское самоуправленіе дѣлаютъ его сообщительнымъ и развязнымъ.

При всемъ томъ, половина нашего сельскаго населенія гораздо несчастнѣе западнаго, мы встрѣчаемъ въ деревняхъ людей сумрачныхъ, печальныхъ, людей,

которые тяжело и невесело пьютъ зеленое вино, у которыхъ подавленъ разгульный славянскій нравъ, на ихъ сердцѣ лежитъ очевидно тяжкое горе.

Это горе, это несчастіе—крѣпостное состояніе.

Сельскій пролетарій и крѣпостной мужикъ два страшные обличителя двухъ страшныхъ неправдъ нашего времени . . . .

Видѣли ли вы литографію, изданную А. Мицкевичемъ и представляющую «Славянскаго невольника?».

Ненависть, смѣшанная съ злобой и стыдомъ, наполняетъ мое сердце, когда я гляжу на этотъ жесткій упрекъ, на это «къ топорамъ братцы», представленное съ поразительной вѣрностью.

Бѣлорусскій мужикъ, безъ шапки, обезумѣвшій отъ страха, нужды и тяжкой работы, руки на поясѣ, стоитъ середь поля и какъ-то косо и безнадежно смотритъ внизъ. Десять поколѣній замученныхъ на барщинѣ образовали такого парію, его черепъ сузился, его ростъ измельчалъ, его лицо съ дѣтства покрылось морщинами, его ротъ судорожно скривленъ, онъ отвыкъ отъ слова. Звѣриный взглядъ и запуганное выраженіе показываютъ, насколько шаговъ онъ пошелъ вспять отъ человѣка къ животнымъ.

За это преступленіе, за этого Бѣлорусса его паны не свободны, за него ихъ геройство, ихъ мученичество, ихъ страданія не были приняты.

По другую сторону Европы стоитъ своего рода бѣлорусскій пахарь, его надобно самому видѣть, слово человѣческое не беретъ такого ужаса и не можетъ выразить. Какъ разсказать пепельный, тусклый, матовый цвѣтъ лица, тряпья волосъ ирландскаго пролетарія, выгнаннаго или *выжженнаго* помѣщикомъ изъ своей деревни за недоимку и не успѣвшаго еще умереть съ голоду. Надобно видѣть своими глазами лихорадочный, полусумасшедшій и притомъ боязливо кроткій взглядъ, лицо, двадцати двухъ, трехъ лѣтней

завялой старухи, которая проситъ глазами милостыню, показывая умирающаго ребенка съ посинѣлыми губами, которыя уже не сосутъ изсохшую, черствую грудь ея. И все это также подернуто землею, стерто, пепельно, безцвѣтно, сѣро, и женщина, и окоченѣвшій ребенокъ, и полуобнаженная грудь, и босая нога.

Между этими двумя крайними типами, которые вполнѣ представляютъ геркулесовы столбы нашей цивилизаціи, стоятъ сельскіе пролетаріи другихъ странъ Европы и крѣпостные мужики другихъ краевъ Россіи.

Пролетаріи другихъ земель—ирландцы, имѣющіе немного насущнаго хлѣба, ирландки, которыя еще могутъ кормить грудью дѣтей,—наши бѣлоруссы, отпущенные на волю безъ земли и не боящіеся розогъ, не болѣе.

Помѣщичьи крестьяне другихъ частей Россіи опять тѣ же бѣлоруссы, но не успѣвшіе одичать, не отданные на копье жиду-арендатору, не ненавидимые своимъ католическимъ помѣщикомъ, а единоплеменные и единовѣрные съ нимъ.

И именно поэтому наше крѣпостное состояніе еще отвратительнѣе.

Я ничего не знаю нелѣпѣе, безобразнѣе дикаго отношенія рабства между ровными: по крайней мѣрѣ негръ черенъ и курчавъ, а его помѣщикъ рыжъ и налитъ лимфой.

Зачѣмъ нашъ народъ попалъ въ крѣпость, какъ онъ сдѣлался рабомъ? Это не легко растолковать.

Все было до того нелѣпо, безумно, что за границей, особенно въ Англіи, никто не понимаетъ.

Какъ въ самомъ дѣлѣ увѣрить людей, что половина огромнаго народонаселенія, сильнаго мышцами и умомъ, была отдана правительствомъ въ рабство безъ войны, безъ переворота, рядомъ полицейскихъ мѣръ, рядомъ тайныхъ соглашеній, никогда не высказанныхъ прямо и не оглашенныхъ какъ законъ.

А, вѣдь, дѣло было такъ и не богъ знаетъ когда, а два вѣка тому назадъ.

Крестьянинъ былъ обманутъ, взятъ врасплохъ, загнанъ правительственнымъ кнутомъ въ капканы, приготовленные помѣщиками, загнанъ мало по малу, по частямъ, въ сѣти, разставленныя приказными; прежде нежели онъ хорошенько понялъ и пришелъ въ себя,— онъ былъ крѣпостнымъ.

Мы сами понимаемъ такіе чудеса только по привычкѣ къ непослѣдовательности и безпорядку, къ неустоявшемуся колебанію русской жизни. У насъ вездѣ, во всемъ неопредѣленность и противорѣчіе, обычаи, не взошедшіе въ законъ, но исполняемые, законы, вошедшіе въ сводъ, но оставляемые безъ дѣйствія, деспотизмъ и избирательные судьи, централизація и выборная земская полиція. Жизнь въ Россіи возможна благодаря этому хаосу, въ основѣ котораго коммунизмъ деревень, а во главѣ всепоглощающее самовластье, между которыми бродитъ безсвязно и на просторѣ европейское образованіе, дворянское право, греческая церковь, военный артикулъ и нѣмецкое управленіе.

Крестьяне съ незапамятныхъ временъ селились на частныхъ земляхъ. Отношеніе ихъ къ помѣщикамъ было патріархальное, основанное на обычаяхъ, на взаимномъ довѣріи. Писанныхъ условій не было, между прочимъ и потому, что ни крестьяне, ни владѣльцы не знали грамотѣ. Народъ русской и теперь не любитъ бумажныхъ сдѣлокъ, между ровными; по рукамъ и чарка водки, тѣмъ дѣло и кончено. Ямщики возятъ дорогія клади съ Кяхты до Нижняго и Москвы, едва дѣлая накладную, и то безъ всякой скрѣпы.

Московское правительство долго не могло добраться до крестьянъ; дурно устроенное, занятое уничтоженіемъ удѣловъ сначала, оно собственно сложилось въ мощную государственную силу при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ. Крестьяне жили покойно въ своихъ общинахъ и вовсе не занимались тѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ.

Ихъ спасала отъ власти хартія, данная самой природой, непроходимыя дороги, страшная даль, болота и грязь. Пока они жили беззаботно и спустя рукава, въ Москвѣ ковали имъ цѣпи.

Исторія мѣръ взятыхъ Годуновымъ извѣстна. Царь Борисъ былъ большой просвѣтитель и прикрѣпленіе мужиковъ онъ не выдумалъ, а взялъ у балтійскихъ нѣмцевъ.

Подъ предлогомъ голода, перехода въ плодоносныя страны государства, перехода отъ мелкопомѣстныхъ господъ къ богатымъ, онъ ограничилъ право покидать землю, не отдавая, впрочемъ, крестьянина въ неволю. Подъ тѣмъ же предлогомъ голода и побѣговъ къ казакамъ онъ прикрѣпилъ дворовыхъ людей къ ихъ господамъ. Мало по малу исчезли послѣднія права перехода; не произнося слова рабство, на самомъ дѣлѣ правительство лишило всѣхъ правъ крестьянъ, жившихъ въ частныхъ владѣніяхъ. Цѣпь, коварно положенная около сельской общины, затягивалась болѣе и болѣе, до тѣхъ поръ, пока великій мастеръ Петръ I заперъ ее замкомъ нѣмецкой работы.

Едва обритые чиновники, въ шутовскихъ костюмахъ, съ разными мудреными названіями ландратовъ, ландрихтеровъ, ландфискаловъ и не знаю какіе еще шведскіе и нѣмецкіе чины были тогда въ ходу, объѣзжали деревни и читали какой-то указъ, писанный темнымъ, ломанымъ и безобразнымъ языкомъ петровскаго времени.

Они дѣлали перепись и объявляли, что кого гдѣ ревизія захватила, тотъ тамъ будетъ крѣпокъ помѣщику.

Крестьяне были рады, видя, что чиновники уѣзжали, не сдѣлавъ больше вреда и въ сущности ничего не понимали.

Удивляться этому не надобно, потому что и правительство не понимало и до сихъ поръ не понимаетъ, что оно сдѣлало. Ни Петръ I, ни всѣ его Голь-

штейнскіе, Брауншвейгскіе и Ангальтъ-Цербскіе наслѣдники рѣшительно сами не знали, что такое быть «крѣпкимъ». Никакой законъ этого не опредѣлилъ, не истолковалъ.

Петръ I въ одномъ указѣ, данномъ сенату, говоритъ, что къ великому стыду въ Россіи продаютъ людей «какъ скотъ», и приказываетъ приготовить законъ, воспрещающій «буде возможно» продажу людей вообще или, по крайней мѣрѣ, продажу безъ земли. Сенатъ раболѣпный во всемъ ослушался и никакого закона не представилъ.

Изъ этого вы видите, что Петръ I подъ словомъ быть крѣпкимъ не разумѣлъ быть товаромъ, вещью.

«Я увѣренъ, писалъ собственноручно императоръ Александръ, что продажа крѣпостныхъ, безъ земли, давно запрещена закономъ» и спрашивалъ у государственнаго совѣта, въ силу какихъ постановленій допускается такая продажа. Государственный совѣтъ, не зная ни одного такого закона, отнесся къ сенату. Сколько ни рылись въ сенатскомъ архивѣ, ничего не нашли. Какъ ни просты наши сенаторы, но въ этомъ случаѣ они не потеряли головы и представили тарифъ пошлинъ, вышедшій въ царствованіе Анны Іоанновны. Въ этомъ тарифѣ значилось, сколько слѣдовало взимать пошлины за совершеніе купчей на продажу крѣпостныхъ людей; слѣдственно, заключалъ сенатъ, продажа людей была закономъ допущена. Но гдѣ этотъ законъ? Объ этомъ сенатъ молчалъ. Приказная уловка правительствующаго сената была до того груба, что государственный совѣтъ понялъ, что продажа людей дѣлается безъ всякаго права и, приготовивъ проектъ закона, воспрещающаго торгъ крещеной живностью, отослалъ его къ министру внутреннихъ дѣлъ.

Ни совѣтъ, ни министръ, ни государь не возвращались болѣе на этотъ предметъ.

Этотъ замѣчательный анекдотъ разсказанъ Н. Тургеневымъ въ его книгѣ объ Россіи. Авторъ былъ тогда статсъ-секретаремъ и самъ принималъ дѣятельное участіе въ составленіи новаго проекта. Онъ оканчиваетъ свой разсказъ чертой глубоко печальной и удручающей. Предсѣдатель совѣта, графъ Кочубей, человѣкъ умный, но давно потерявшій вѣру, подошелъ къ Тургеневу послѣ засѣданія и сказалъ ему съ горькой и насмѣшливой улыбкой: «А, вѣдь, государь-то двадцать лѣтъ былъ увѣренъ, что людей не продаютъ по одиночкѣ.»

Этотъ анекдотъ сжимаетъ сердце и заставляетъ содрогаться отъ негодованія.

Николай хотѣлъ ограничить продажу людей, но, желая сдѣлать добро, сдѣлалъ вредъ; такова обычная судьба полумѣръ и самовластныхъ распоряженій. Запрещая дворянамъ, не имѣющимъ земли, покупать крестьянъ, запрещая до извѣстной степени раздробленіе семействъ, онъ призналъ право продажи въ другихъ случаяхъ и далъ законную основу терпимому безпорядку.

Императоръ Николай замѣчательно несчастенъ, ему не удается ничего хорошаго и это, между прочимъ, оттого, что онъ вовсе не понимаетъ ничего русскаго и ничего гражданскаго. Ему бросается въ глаза безпорядокъ, чтобъ остановить его, онъ бьетъ камнемъ по лбу, и искажаетъ, портитъ послѣдніе уцѣлѣвшіе остатки русскаго права.

Такимъ образомъ онъ исказилъ основу Петровскаго дворянства, легко возобновляемаго изъ народа, сопрягая дворянскія права съ маіорскимъ чиномъ въ военной службѣ и съ чиномъ статскаго совѣтника въ гражданской.

Такимъ образомъ онъ исказилъ Екатерининское устройство дворянскихъ выборовъ, вводя избирательный цензъ, котораго не было, и лишая голоса всѣхъ дворянъ, имѣющихъ менѣе ста душъ.

Въ первомъ случаѣ онъ былъ руководимъ желаніемъ устранить мелкихъ чиновниковъ отъ быстраго пріобрѣтенія помѣщичьихъ правъ.

Въ другомъ онъ хотѣлъ предупредить вліяніе богатыхъ владѣльцевъ на выборы.

Въ обоихъ онъ временному вреду, безпорядку, пожертвовалъ нормой.

Не затруднять слѣдуетъ помѣщичьи права, ихъ слѣдуетъ уничтожить, ликвидировать. Всѣ маленькія мѣры будутъ недостаточны, изворотливость исполнителей и хитрость помѣщиковъ найдутъ средства обойти законъ.

У меня нѣтъ ни земли, ни крестьянъ, я покупаю дворовыхъ людей на имя моего сосѣда, а съ него беру заемное письмо. И потомъ имѣя двѣ души и двѣ десятины, я могу покупать безъ всякаго ограниченія цѣлыя семьи живописцевъ, музыкантовъ, портныхъ, офиціантовъ..... и обкладывать ихъ произвольнымъ оброкомъ, черезъ годъ продавать въ рекруты. Торгъ людьми идетъ не хуже, какъ въ Кубѣ или въ малой Азіи. Правда стыдливое и цѣломудренное правительство запретило объявлять о продажѣ людей. Въ газетахъ скромно и безсмысленно печатаютъ «отпускается въ услуженіе кучеръ 35 лѣтъ, здороваго сложенія, съ окладистой бородой и честнаго поведенія, или дѣвка 18 лѣтъ, прекраснаго поведенія и годная на всякую службу».

Это лицемѣріе, этотъ полустыдъ, эта неловкая ложь пойманнаго на дѣлѣ злодѣя въ устахъ самодержавія, имѣетъ въ себѣ нѣчто безгранично подлое.

Самое существованіе всего несчастнаго сословія дворовыхъ людей внѣзаконное, ничѣмъ неопредѣленное и зависящее вполнѣ отъ помѣщика. Сколько крестьянъ можетъ взять помѣщикъ во дворъ изъ деревни, сколько рукъ отнять у семьи? Онъ можетъ взять жену у мужа и сдѣлать ее прачкой у себя въ домѣ, онъ можетъ

взять послѣдняго сына у старика отца и сдѣлать изъ него лакея; пока помѣщикъ не уморилъ съ голоду или не убилъ физически своего крѣпостнаго человѣка, онъ правъ передъ закономъ и ограниченъ только однимъ топоромъ мужика. Имъ, вѣроятно, и разрубится запутанный узелъ помѣщичьей власти.

Русское правительство соединено съ Англіей договоромъ противъ торга невольниками. Отчего же надобно непремѣнно быть чернымъ, чтобъ быть человѣкомъ въ глазахъ *бѣлаго* царя. Или отчего онъ не произведетъ всѣхъ крѣпостныхъ въ негры? Придворные истопники, за выслугу и отличіе, состоятъ же иногда на *правахъ* арапов.

Меня поражаетъ удивленіемъ безнадежная неспособность нашего правительства во всѣхъ внутреннихъ вопросахъ. Александръ обдумывалъ двадцать пять лѣтъ планъ освобожденія, Николай приготовлялся семнадцать лѣтъ,—и что же выдумали они въ полстолѣтья? Нелѣпый указъ 2 апрѣля 1842 года объ обязанныхъ крестьянахъ.

Но скажутъ, гдѣ же средства? Средства найдутся. И съ какихъ это поръ русское правительство сдѣлалось такъ разборчиво въ отношеніи къ средствамъ?

Развѣ недостало средствъ у Екатерины II, чтобъ отдать въ крѣпость Малороссію въ XVIII столѣтіи? Развѣ недостало средствъ въ XIX для водворенія военныхъ поселеній, для обращенія уніатъ въ грекороссійское исповѣданіе и Польши въ русскія губерніи? Петербургское правительство никогда не задумывалось о средствахъ, не останавливалось ни передъ чѣмъ; въ 1845 году былъ голодъ въ Псковской губерніи, чѣмъ помочь? Очень просто: Николай велѣлъ переселить полъ-Псковской губерніи въ *Тобольскую;* зимой погнали съ одного конца Руси на другой плачущія семьи, дѣтей, стариковъ, обнищалыхъ, голодныхъ; половина перемерла по дорогѣ, другая пришла на свое поселеніе.

По счастію, для освобожденія крестьянъ вовсе не нужно всѣхъ этихъ злодѣйствъ и преступленій.

Они боятся дотронуться до этого вопроса оттого, что они трусы. Въ сущности бояться нечего; вѣдь, это хорошо разсказывать иностраннымъ газетамъ объ дикихъ boyards moscovites, всегда готовыхъ на цареубійство и грозныхъ своимъ вліяніемъ. Ихъ совсѣмъ нѣтъ.

Весь народъ, очевидно, былъ бы за правительство, и не одинъ народъ, а вся образованная часть дворянства.

Если закоснѣлые помѣщики и московскіе *бояры* будутъ противиться, имъ придется ограничиться ропотомъ. Отчего имъ и не позволить болтать о своемъ неудовольствіи? Они, впрочемъ, столько проповѣдывали намъ безусловную покорность передъ высочайшей властью, что справедливо было бы отъ нихъ потребовать примѣръ... Да и гдѣ ихъ права? Они владѣли мужиками и разоряли ихъ по царской милости; по царской немилости они перестали бы ихъ разорять. Люди эти не имѣютъ партіи, ихъ сила мнимая. Зимній дворецъ полонъ выслужившимися нѣмцами, солдатами и писарями, которыхъ богатство, судьба и сила связана не съ помѣщичьимъ правомъ, а съ петербургскимъ императорствомъ.

Убійство Петра III и Павла сдѣлало удивительную репутацію русскимъ вельможамъ. Обстоятельства теперь нисколько не похожи на тогдашнія; гдѣ эти отчаянные Орловы и обиженные Зубовы, гдѣ участіе жены, сына? Всего этого нѣтъ; кто сколько-нибудь знаетъ Россію, тотъ безъ смѣху не можетъ подумать объ оппозиціи «московскихъ бояръ.»

Въ рукахъ правительства рядъ соціальныхъ и финансовыхъ мѣръ, которыми оно можетъ безъ сильнаго и внезапнаго потрясенія освободить крестьянъ съ землею. Оно ихъ знаетъ изъ сотни проектовъ, поданныхъ съ 1842 г. Киселеву и Перовскому.

БИБЛІОТЕКА ... АКАДЕМІИ

Вмѣсто того, чтобъ воспитательные домы превращать въ рынки, на которыхъ продаютъ ревизскія души съ молотка, правительство можетъ переводить долгъ на деревни и брать съ нихъ въ замѣну оброка свои 5%. Оно можетъ сдѣлать внутренній заемъ для выкупа другихъ и пр.

Пусть оно только позволитъ дворянамъ прямо и открыто заняться этимъ вопросомъ, пусть разрѣшитъ всѣмъ, кто хочетъ составленія обществъ, товариществъ для выкупа крестьянъ, для помощи освобождающимся, предварительно удостовѣривъ, что ни въ какомъ случаѣ капиталъ общества не будетъ схваченъ и не будетъ употребленъ ни на постройку кадетскаго корпуса, ни на поѣздку въ Палермо, ни даже на усмиреніе *мятежниковъ* на Кавказѣ или въ Венгріи.

«Все это прекрасно — правительство должно бы, дворянство могло бы, конечно,— но что же при всемъ этомъ самъ народъ, народъ гоняемый на барщину, наказываемый розгами, разоряемый, продаваемый? Если онъ можетъ выносить такое положеніе, онъ заслуживаетъ его.»

Разумѣется, такъ, какъ ирландецъ заслуживаетъ голодъ, итальянецъ австрійское иго. Я такъ привыкъ къ этому свирѣпому væ victis, что всегда жду его. Что же, съ богомъ, въ походъ противъ всякаго страданія, всякаго несчастія, всякой трагической судьбы. Мало пролетарію, что онъ бѣденъ, что ему ѣсть нечего, что онъ не можетъ развиться, что ему недосугъ думать, прибавимъ къ его горькой участи горькое слово. Мало крестьянину, что его обманомъ и плутовствомъ отдали въ крѣпость, въ которой его держатъ шестьсотъ тысячъ штыковъ, судьи, земская полиція, помѣщики, розги и самая церковь; скажемъ ему, что онъ это заслужилъ, что онъ недостоинъ лучшей судьбы, потомъ отвернемся отъ нихъ обоихъ и отъ ихъ глухого стона.

Впрочемъ, прежде нежели мы ихъ оставимъ, я совѣтую имъ сказать спасибо за то, что голодъ одного, потъ другого, невѣжество обоихъ дали намъ средство такъ умно развиться.

Мнѣ всякій разъ становится не по себѣ, когда говорятъ о народѣ. Въ нашъ демократическій вѣкъ нѣтъ ни одного слова, которое бы такъ мало понимали и такъ употребляли во зло. Понятіе, сопрягаемое съ нимъ, неопредѣленно, преувеличено, поверхностно, полно риторики въ похвалахъ и порицаніяхъ; одни поднимаютъ народъ до небесъ и дѣлаютъ изъ него какого-то прорицателя законовъ, неписанной разумъ, судію, другіе топчутъ его въ грязь, называя грубой толпой. Всѣ эти разглагольствованія, умиленія, негодованія и декламаціи не прибавляютъ ни на волосъ къ пониманію этой гранитной основы государствъ и человѣчества, связанной цементомъ вѣковыхъ воспоминаній и кровнаго родства, на которой построенъ плохой балаганъ современнаго политическаго устройства, полусгнившій и покачнувшійся.

Правительство и плавающій вверху слой цивилизаціи закрываютъ народъ и не допускаютъ знать его. За этими офиціальными и литературными декораціями, онъ живетъ по своему, рѣдко соображаясь съ ними, остается покойнымъ, когда за него горячатся и бросаютъ перчатку, и возстаетъ, когда всего менѣе этого ждутъ.

Одни легкія революціи дѣлаются легко. Вѣтеръ свободно двигаетъ во всѣ стороны верхній слой общественной зыби, но глубь тиха до урагана.

Зато и слѣды такихъ революцій не велики, онѣ мѣняютъ одежду и названіе, а дѣло остается по старому.

Народъ туго и не скоро возстаетъ, онъ не играетъ, не шутитъ перемѣнами, онъ такъ бѣденъ, что

долго не рискуетъ послѣднимъ; его возстаніе всегда глубоко выстраданное. Если оно неудачно, преждевременно, цѣлые племена, государства гибнутъ, глохнутъ. Германія потеряла всякій политическій смыслъ и превратилась въ школу, усмиривъ крестьянъ.

Но возвратимся къ народу русскому. Онъ уступилъ не безъ боя. Вспомните, что было послѣ Бориса, во время самозванцевъ и междуцарствія; казалось, все государство было понято огнемъ и распадалось, все бродило въ болѣзненномъ волненіи, бралось за оружіе; откуда эта возбужденность, эта готовность къ бою, откуда эти полчища тушинскаго вора и другихъ кондотьеровъ? Едва Романовы усѣлись, сѣверовостокъ Руси покрылся разбойниками, съ ними воюютъ какъ съ непріятелями, противъ нихъ посылаютъ войска и пушки, ихъ вѣшаютъ *сотнями* при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. У Стеньки Разина было цѣлое войско. Столѣтье спустя цѣлое войско собралось вокругъ Пугачева.

Именемъ Петра III, котораго народъ не зналъ, мудрено было бы поднять цѣлыя губерніи. Имя его придавало призрачную законность и фирму возстанію. Въ сущности народъ бунтовалъ противъ крѣпостнаго состоянія и ненаціональнаго правительства. Перечень казней въ приложеніяхъ къ пушкинской исторіи пугачевскаго бунта ясно показываетъ, противъ кого и чего дрался народъ.

Съ тѣхъ поръ ни мужики, ни дворовые не возстаютъ массами. Сила сломила ихъ, средства усмиренія удесятерились, тронъ Екатерины, качавшійся сначала, вросъ въ землю въ концѣ ея царствованія. Когда крестьянамъ становится невтерпежъ, они бѣгутъ, дѣлаютъ поджоги или рѣжутъ господъ. Рѣдко сговариваются они съ другими деревнями, хотя и были примѣры лѣтъ десять тому назадъ, въ Тамбовѣ и въ Симбирскѣ, что нѣсколько деревень

дѣйствовали заодно. Бунты ихъ дѣлаются изъ мести и съ отчаянія безъ всякой надежды поправить свое положеніе.

Народу, разсѣянному по необозримымъ долинамъ и живущему въ деревняхъ, открытыхъ со всѣхъ сторонъ, ничѣмъ не защищенныхъ кромѣ лѣсовъ, трудно дѣлать возстанія.

Сверхъ того, вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія не былъ до нашего времени понимаемъ одинакимъ образомъ крестьянами и аболиціонистами. Съ точки зрѣнія либерализма и религіи собственности вопросъ разрѣшался прямо противъ народнаго смысла.

Послѣ наполеоновской войны Александръ освободилъ эстовъ, принадлежавшихъ остзейскому дворянству, онъ имъ далъ личную свободу *безъ земли.* Весьма вѣроятно, если бъ русскіе крестьяне, такъ мужественно дравшіеся противъ непріятеля, съ нѣкоторой настойчивостью потребовали освобожденія, императоръ при тогдашнемъ его настроеніи уступилъ бы имъ. Часть дворянъ лучше не проситъ, какъ освободить мужиковъ, оставя за собой землю. Что же было бы изъ такого освобожденія?

Представьте себѣ европейское сельское устройство съ петербуржскимъ самовластіемъ, съ нашими чиновниками, съ нашей земской полиціей. Представьте себѣ двадцать милліоновъ пролетаріевъ, ищущихъ работы на господскихъ земляхъ, въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакой законности, гдѣ все управленіе подкупное и дворянское, гдѣ личность ничего, а вліяніе все.

Помѣщики заключили бы между собой оборонительный союзъ, установили бы свои цѣны противъ крестьянъ, такъ какъ это было въ остзейскихъ провинціяхъ. Полиція была бы съ ихъ стороны. Общинное начало было бы поражено на смерть у вновь

освобожденныхъ, деревня потеряла бы свое коммунистическое единство и въ полстолѣтія мы перегнали бы Ирландію.

Есть люди, до сихъ поръ поддерживающіе пользу освобожденія безъ земли, освобожденія въ голодъ и безпріютность, воображая, что въ этомъ новомъ пролетаріатѣ непремѣнно разовьется революціонное начало.

Быть голоднымъ и пролетаріемъ вовсе не достаточно для того, чтобы сдѣлаться революціонеромъ. Взвода полисменовъ достаточно, чтобъ держать ирландцевъ въ повиновеніи законамъ, лишающимъ ихъ куска хлѣба.

Вообще пролетарій полей очень миренъ, кругъ его понятій тѣсенъ, онъ слишкомъ подавленъ и сгнетенъ къ землѣ, чтобъ быть болѣе, нежели недовольнымъ. Его не надобно смѣшивать съ работникомъ большихъ торговыхъ и политическихъ центровъ. Въ этихъ колоссальныхъ ульяхъ, гдѣ милліоны людей трутся ежедневно другъ о друга, гдѣ на всякомъ шагу попадаются макабрскія встрѣчи пляшущихъ съ умирающими, пересыщенныхъ съ голодными, Ротшильда съ ирландцемъ, откупщика съ поденщикомъ, тамъ, разумѣется, въ душѣ работника бродятъ мысли о ниспроверженіи этого міра монополіи, цеха, капитала, дохода, но въ маленькихъ городахъ и еще болѣе въ поляхъ пролетарій не таковъ. Онъ принимаетъ свое положеніе за судьбу, онъ страдаетъ, не знаетъ выхода, покоряется.

Русскіе, говорящіе такъ легко о разрушеніи сельской общины, никогда не думали, что же останется, что будетъ, когда этотъ послѣдній узелъ народной жизни, насильственно развязанный, распустится.

Народъ русской все вынесъ, но спасъ общину, община спасла народъ русской; уничтожая ее, вы отдаете его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, помѣщику и полиціи. И коснуться до нея въ то время,

когда Европа оплакиваетъ свое раздробленіе полей и всѣми силами стремится къ какому-нибудь общинному устройству!

Говорятъ, что община поглощаетъ личность и что она несовмѣстна съ ея развитіемъ. Въ этомъ мнѣніи есть доля правды. Всякой неразвитой коммунизмъ подавляетъ отдѣльное лицо. Но не надобно забывать, что русская жизнь находила сама въ себѣ средства отчасти восполнять этотъ недостатокъ. Сельская жизнь образовала рядомъ съ неподвижной, мирной, хлѣбопашенной деревней, подвижную общину работниковъ, артель и военную общину казаковъ.

Артель лучшее доказательство того естественнаго, безотчетнаго сочувствія славянъ съ соціализмомъ, о которомъ мы столько разъ говорили. Артель вовсе не похожа на германскій цехъ, она не ищетъ ни монополіи, ни исключительныхъ правъ, она не для того собирается, чтобы мѣшать другимъ, она устроена для себя, а не *противъ* кого-либо. Артель соединеніе вольныхъ людей одного мастерства на общій прибытокъ общими силами.

Казачество была отворенная дверь людямъ, не любящимъ покоя, ищущимъ движенія, опасности, независимости. Оно соотвѣтствовало тому буйному началу молодечества и удали, которое рядомъ съ мирнымъ и добродушнымъ нравомъ славянъ составляетъ ихъ характеристику.

Общинный дружинникъ, казакъ, становился безсмѣнной стражей на крайнихъ предѣлахъ отечества и берегъ его; онъ не хотѣлъ знать никакого правительства, кромѣ своего выборнаго; лучше становился разбойникомъ, нежели подданнымъ, но родинѣ служилъ вѣрой и правдой и не жалѣя лилъ за нее свою кровь. Запорожцы были славянскіе витязи, витязи мужики, странствующіе рыцари чернаго народа.

Привычные къ войнѣ и дорогѣ, казаки имѣли тѣ

неопредѣленныя влеченія, то политическое чутье, тѣ пророческія догадки, которыми отличались норманны. Горсть казаковъ завоевала Сибирь. Ермакъ не остановился на Тобольскѣ, онъ добрался до Иркутска и тамъ сложилъ свою буйную голову. Другой казакъ послѣ него, съ своей небольшой дружиной, пробился сквозь льды и степи до морского берега, какъ будто что-то непреодолимое тянуло ихъ къ Тихому океану, къ этому Средиземному морю будущаго; какъ будто они провидѣли всю важность поставить Русь лицомъ къ лицу съ Сѣверо-Американскими Штатами.

Надобно было имѣть все жалкое непониманіе нѣмецкаго правительства, чтобъ не оцѣнить такого учрежденія какъ казачество. Не даромъ казаки возражали Богдану Хмѣльницкому, что вольнымъ людямъ нельзя вступать въ подданство Москвѣ. Петръ первый обрадовался измѣнѣ Мазепы и принялся притѣснять Малороссію вопреки всѣхъ договоровъ. Елизавета сдѣлала своего любовника гетманомъ. У Екатерины II ихъ было слишкомъ много, чтобъ никого не обидѣть, она раздѣлила между ними Малороссію и отдала имъ въ крѣпость вѣчно свободныхъ людей. Она казаками платила за свои египетскія ночи.

Несмотря на то, казаки явились въ 1812 году тѣмъ же отважнымъ, лихимъ войскомъ, какимъ были прежде. Они вносили въ регулярную армію поэтическій и народный элементъ. Безъ строя и выправки, съ пикой и бородой, на маленькихъ лошадкахъ съ длинной гривой, они разсыпались, исчезали, нападали съ страшной дерзостью и ускользали съ восточной уклончивостью. Они всего больше остались въ памяти непріятеля.

Николай, вѣрный своей мертвящей мысли однообразія, безличія, сближаетъ ихъ болѣе и болѣе съ военными поселеніями. Онъ разрушилъ ихъ демократическое устройство, «облагораживая» ихъ есауловъ,

прежде возвращавшихся снова въ ряды простыхъ казаковъ. Онъ даже отнялъ у нихъ ихъ пѣсни, подвергнувъ ихъ какой-то цензурѣ.

Само собою разумѣется, что ни въ коммунизмѣ деревень, ни въ казацкихъ республикахъ мы не могли бы найти удовлетворенія нашимъ стремленіямъ. Все это было слишкомъ дико, молодо, неразвито, но изъ этого не слѣдуетъ, что намъ должно ломать эти незрѣлыя начинанія, напротивъ, ихъ надобно продолжать, развивать, образовывать. Тутъ нѣтъ большого достоинства, что мы неподвижно сохранили нашу общину въ то время, какъ германскіе народы ее утратили, но это большое счастіе и его ненадобно выпускать изъ рукъ. Мы долго ждали, долго временили, воспользуемся опытностью нашихъ сосѣдей, она имъ страшно дорого стоитъ.

Міръ западный утратилъ свое общинное устройство; хлѣбопашцы и несобственники были принесены на жертву развитію меньшинства; за то развитіе дворянства и горожанъ было велико и богато. Оно имѣло рыцарство съ его высокимъ понятіемъ независимой личности и среднее состояніе съ его непреклонной идеей права, оно имѣло искусство и литературу, науку и промышленность, наконецъ реформацію и революцію, которыя грозно и торжественно низвергнули половину церкви и половину трона.

Одна Россія, эта падчерица, эта Сандрильона между народами европейскими не имѣла никакой доли въ пріобрѣтеніяхъ и побѣдахъ своихъ сосѣдей. Народъ русской такъ же мало былъ способенъ къ торжественному западному развитію трехъ послѣднихъ вѣковъ, какъ къ крестовымъ походамъ, какъ къ схоластикѣ и теологическимъ спорамъ, какъ къ римскому праву и германскому феодализму. Народъ русской ничего не пріобрѣлъ со временъ Владиміра и кіевскаго періода; подъ монгольскимъ гнетомъ хановъ, подъ византійскимъ

царей, подъ нѣмецкимъ императоровъ, подъ суринамскимъ помѣщиковъ, онъ сохранилъ только свою незамѣтную, скромную общину, т. е. владѣніе сообща землею, равенство всѣхъ безъ исключенія членовъ общины, братской раздѣлъ полей по числу работниковъ и собственное мірское управленіе своими дѣлами. Вотъ и все приданое Сандрильоны, зачѣмъ же отнимать послѣднее... «Затѣмъ, что при всемъ этомъ на Руси жить тяжко, ни уму, ни сердцу нѣтъ простора». Тяжко, дурно жить въ Россіи, это правда, и тѣмъ тяжеле было для насъ, что мы думали, что въ другихъ странахъ легко и хорошо жить.

Теперь мы знаемъ, что и тамъ тяжело. Отъ того, что и тамъ не разрѣшенъ вопросъ, около котораго сосредоточилась теперь вся человѣческая дѣятельность, вопросъ объ отношеніи лица къ обществу и общества къ лицу. Крайнія, односторонніе развитія привели къ двумъ нелѣпостямъ—къ гордому своими правами независимому англичанину, котораго свобода основана на вѣжливой антропофагіи, и къ бѣдному русскому мужику, безлично потерянному въ общинѣ, безправно отданному въ крѣпость и въ силу того служащему съѣстнымъ припасомъ барину.

Гдѣ ихъ примиреніе, какъ снять ихъ противурѣчіе, какъ сохранить независимость британца безъ людоѣдства, какъ развить личность крестьянина безъ утраты общиннаго начала? Въ этомъ-то вся мучительная задача нашего вѣка, въ этомъ-то и состоитъ весь соціализмъ.

Безумно было бы начать переворотъ съ уничтоженія свободныхъ учрежденій, потому что они на дѣлѣ доступны только меньшинству; еще безумнѣе уничтожить общинное начало, къ которому стремится современный человѣкъ, за то, что оно не развило еще свободной личности въ Россіи.

Наша деревня довольно наказана рабствомъ за ея

односторонность, за ея слишкомъ патріархальные нравы; неужели и самое освобожденіе должно ей служить наказаніемъ.

Помѣщичья власть, какъ нѣчто совершенно внѣшнее, поддерживаемое однимъ насиліемъ, легко снимется съ сельской жизни.

Гакстгаузенъ старается доказать въ своей книгѣ, что помѣщики представляютъ патріархальную главу общины, нѣчто въ родѣ старинныхъ шотландскихъ кланова или аравійскихъ эмировъ. Мнѣніе это, нѣкогда поддерживаемое плантаторами изъ московскихъ панславистовъ, совершенно ложно.

Патріархальный глава общины—староста, выбранный міромъ, взятый изъ самой общины, равный всѣмъ. Онъ замѣняетъ отца и есть дѣйствительный опекунъ, ходатай, представитель деревни. Гдѣ же начинается необходимость другой главы, вотчима, посторонняго, опирающагося на внѣшнюю власть, не принимающаго никакого участія въ дѣлахъ общины, не несущаго ея тяги и обкладывающаго ее оброкомъ и барщиной?

Если бъ помѣщикъ былъ только собственникъ земли, его права ограничивались бы кортомными деньгами за нее, соотвѣтственной работой и половничествомъ. Но оно вовсе не такъ. Онъ владѣетъ гораздо больше человѣкомъ нежели землею, онъ беретъ окупъ не съ десятины, а съ мышцъ, съ дыханія, онъ заставляетъ платить за право работы, движенія, существованія. Оброкъ дворовыхъ, ходящихъ по паспорту, основанъ по превосходному выраженію, невзначай сорвавшемуся у Гакстгаузена, на *обратномъ* сенъ-симонизмѣ: чѣмъ больше способности, тѣмъ больше требуетъ баринъ. Очевидная нелѣпость.

За общиной логически ничего нѣтъ другого, какъ соединеніе общинъ въ большія группы и соединеніе группъ въ общемъ, народномъ, земскомъ дѣлѣ (res publica). Казенныя деревни дѣйствительно соединяются

въ волости, онѣ избираютъ, сверхъ старостъ, тысяцкихъ, сотскихъ, десятскихъ, голову, и при немъ двухъ стариковъ въ судьи. Все это совершенно послѣдовательно идетъ изъ народнаго понятія о правѣ, неписаннаго, но живого во всякой славянской груди. Но тутъ разомъ обрывается всякій смыслъ, мы встрѣчаемся съ становымъ приставомъ, съ канцелярскимъ правительствомъ и съ помѣщичьей властью.

Прервъ всякой связи между народомъ и дворянствомъ, между народомъ и чиновничествомъ очевиденъ, и никогда не былъ онъ рѣзче обозначенъ, какъ теперь. Лѣтъ сто тому назадъ богатые помѣщики изъ аристократизма щадили своихъ крестьянъ; бѣдные жили между ними и мало отличались отъ нихъ нравами и образованіемъ. Все это измѣнилось. Образованіе разъединило совершенно помѣщиковъ съ крестьянами и они не могли болѣе ни брать участія, ни любить крестьянъ, ни жалѣть ихъ, все чуждое для насъ безразлично; но они могли и хотѣли пользоваться ими и пользовались. Крестьянинъ перешелъ въ разработываемую собственность. Развитіе промышленности фабрикъ и самое распространеніе политической экономіи, *переложенной на россійскіе* нравы, дали тысячу новыхъ средствъ употреблять крестьянъ на пользу. Помѣщикъ, «патріархальная глава общины», сдѣлался мало по малу изъ вельможи фабрикантомъ, плантаторомъ-торговцемъ бѣлыхъ негровъ.

Этого разрыва, бросающагося въ глаза, не хочетъ видѣть Гакстгаузенъ, увлеченный своей монархической демагогіей, своей страстной любовью рабства. Принявъ власть помѣщика за патріархальную, онъ естественно принимаетъ за такую же народную отеческую власть петербургское императорство. Оно въ его глазахъ продолженіе кіевскаго великокняжества; императоръ Николай тотъ же равноапостольный Владиміръ, котораго народъ назвалъ своимъ краснымъ солнцемъ. Тамъ, гдѣ

онъ не находитъ другой возможности объяснить дикій петербургскій деспотизмъ, тамъ онъ благоговѣетъ передъ «высотою повиновенія» народа русскаго; эту безпредѣльную покорность королевско-прусскій якобинецъ называетъ нашей высокой добродѣтелью.

Здѣсь не мѣсто вступать въ разборъ историческаго значенія петровскаго переворота, петровской Руси; мы считаемъ переворотъ этотъ необходимымъ, онъ разбудилъ Россію, онъ ее повелъ впередъ, когда она сама еще не могла идти, онъ былъ полонъ вѣрою въ ея великія судьбы, въ ея великія силы, но онъ былъ свирѣпъ и жестокъ какъ большая часть революцій, какъ царство ужаса въ 93 году и именно потому разорвалъ единство жизни русской.

Двѣ Россіи съ начала XVIII столѣтія стали враждебно другъ противъ друга. Съ одной стороны, была Россія правительственная, императорская, петербургская, дворянская, богатая деньгами, вооруженная не только штыками, но всѣми приказными и полицейскими уловками, взятыми изъ Германіи.

Съ другой, Русь чернаго народа, бѣдная, хлѣбопашенная, общинная, демократическая, безоружная, взятая врасплохъ, побѣжденная собственно безъ боя. Что же тутъ удивительнаго, что императоры отдали на раздробленіе *своей* Россіи, придворной, военной, одѣтой по-нѣмецки, образованной снаружи—Русь мужицкую, бородатую, неспособную оцѣнить привозное образованіе и заморскіе нравы, къ которымъ она питала глубокое отвращеніе.

Чего имъ было ее жалѣть?

— Что ты ходишь, повѣся носъ, спросилъ однажды графъ Завадовскій или Зоричъ, словомъ одинъ изъ наложниковъ императрицы Екатерины II, почтеннаго дворянина, состоявшаго при немъ въ качествѣ шута.

Собесѣдникъ, къ которому относился вопросъ, былъ человѣкъ необыкновенно толстый и прожорливый,

всегда обѣдавшій у графа. Когда графъ бывалъ особенно веселъ, онъ давалъ знакъ рукою, лакей надѣвалъ на голоднаго шута хомутъ и, затянувъ шею, пускалъ его на ѣду.

Дворянинъ бился въ хомутѣ какъ звѣрь, бросался нарочно на блюда, давился, былъ очень гадокъ, словомъ усердно тѣшилъ своего покровителя, хохотавшаго до слезъ.

— Поневолѣ повѣсишь носъ, отвѣчалъ упряжный дворянинъ, ваше сіятельство изволите всѣхъ щедротами своими награждать, одинъ я, несчастный, забытъ вами.

— Какъ такъ? спросилъ графъ.

— Ваше сіятельство всѣмъ пожаловали отчины въ Малороссіи, а мнѣ хоть бы какую-нибудь сотню дрянныхъ казаковъ.

— Каковъ малый, отвѣчалъ сквозь хохотъ графъ, губа-то не дура. Такъ и тебѣ казаковъ захотѣлось — ха, ха, ха! Чѣмъ же ты заслужилъ казаковъ?

— Да помилуйте, ваше сіятельство, отвѣчалъ шутъ— вѣдь, я и не богъ знаетъ чего прошу, чего вамъ, графъ стоятъ казаки, а мнѣ милость была бы дорога и я до гроба молился бы объ вашемъ здравіи.

— Еще лучше, замѣтилъ веселый графъ, да онъ совсѣмъ не такъ глупъ, какъ кажется; въ самомъ дѣлѣ, чего жалѣть казаковъ. Ну, такъ и быть, дамъ тебѣ казаковъ.

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство! говорилъ тронутый шутъ и ползъ на колѣняхъ приложиться къ графской ручкѣ, неужели и въ правду.

— Ну, полно, полно, отвѣчалъ графъ, милостиво протягивая руку, говорю тебѣ, будутъ у тебя казаки.

Это было въ самое то время, когда Екатерина II вводила крѣпостное состояніе въ Малороссіи. Одержимая ненасытимой нимфоманіей, запятнанная всѣми преступленіями, эта «мать отечества» дала однимъ своимъ

любовникамъ болѣе трехъ сотъ тысячъ душъ мужескаго пола.[1])

Графъ сдержалъ слово и отложенный шутъ поѣхалъ управлять своими казаками.

Въ прошедшемъ году, переѣзжая С. Готардъ, я взялъ въ одной гостиницѣ трактирную книгу, въ ней большими буквами стояла русская фамилія. Подъ нею другой путешественникъ написалъ мелкимъ шрифтомъ по-французски: «тотъ самый, котораго дворовые люди высѣкли.»

Эта непріятность случилась съ однимъ камергеромъ, извѣстнымъ богачомъ и негодяемъ. Въ 1850 году онъ жилъ въ своемъ малороссійскомъ имѣніи. Крестьяне и дворовые, выведенные изъ терпѣнія, рѣшились проучить его. Они его высѣкли и взяли письменную расписку, что онъ будетъ молчать. Прошло нѣсколько времени, испуганный камергеръ, казалось, присмирѣлъ, но вдругъ поставилъ въ рекруты молодого малаго, оказавшагося особенно усернымъ во время наказанія. Когда рекруту забрили лобъ, онъ сказалъ предсѣдателю, что баринъ его отдалъ въ солдаты за то, что онъ его больно сѣкъ. Въ удостовѣреніе чего рекрутъ вытащилъ изъ-за пазухи камергерскую расписку.

Документъ этотъ до того поразилъ присутствующихъ, что они не догадались ни уничтожить его, ни уничтожить рекрута, ни даже продать расписку камергеру. Они сгоряча представили «казусъ сей» на усмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ. Но и тотъ призадумался, случай о сѣченыхъ камергерахъ рѣшительно не былъ предвидимъ сводомъ законовъ. Министръ доложилъ государю. Государь, терпѣвшій камергера, пока онъ сѣкъ, выгналъ его изъ службы за то, что его сѣкли. Москвичи, ѣздившіе толпами

[1]) У Кастеры приложенъ счетъ.

къ нему на балы, зная его гнусное поведеніе, оставили его, узнавъ объ исправительной мѣрѣ, употребленной дворовыми. Камергеръ обидѣлся, сталъ жаловаться, чуть не сдѣлался недовольнымъ. Государь велѣлъ ему ѣхать за границу и не возвращаться безъ особаго приказа.

Несчастно гонимый и интересный камергеръ этотъ не кто иной, какъ благополучный наслѣдникъ упряжнаго шута, а люди, его наказывавшіе,—дѣти казаковъ, пожалованныхъ Екатериной.

Это рѣзко характеризуетъ грязное начало и безсмысленныя послѣдствія русскаго помѣщичьяго права.

Что тутъ прибавлять къ графу *въ случаѣ*, согласному, что казаковъ жалѣть нечего, къ шуту въ хомутѣ, который вдругъ изъ грязныхъ нахлѣбниковъ дѣлается законнымъ господиномъ свободныхъ казаковъ, къ камергеру, благоразумно предпочитающему розги смерти, къ премудрому царю, который туда же дѣлаетъ пропаганду, посылая избитаго камергера съ своей зебровой спиной таскаться по всѣмъ столицамъ Европы, по морямъ, сушамъ и альпійскимъ вершинамъ....

